

УДК 330

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПЛЮРАЛИЗМ В ИССЛЕДОВАНИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

В. Н. Украинский

Украинский Вадим Николаевич – старший преподаватель. Тихоокеанский государственный университет, ул. Тихоокеанская, 136, Хабаровск, Россия, 680035. E-mail: schtirl@pochtamt.ru.

Рассмотрены дискуссионные вопросы, связанные с критикой методологических позиций мейнстрима современной экономической теории. Обозначено одно из возможных направлений развития экономической методологии – методологический плюрализм. Продемонстрирован сложный характер проблемного поля пространственной экономики, создающий почву для реализации идей методологического плюрализма. На основе различий в методологических подходах выделены два направления современной пространственной экономики – англосаксонское и «континентально-европейское».

Экономическое пространство, методологический плюрализм, пространственная экономика, экономический империализм, междисциплинарные исследования.

...Единственное, что можно требовать от истории вообще и истории идей в частности: не разрешать вопросы, но как минимум повышать сам уровень споров.

Альберт Хиршман [23, с. 195]

ВВЕДЕНИЕ

Поиск «правильных» ответов на рассматриваемые в настоящей работе вопросы является, безусловно, важным для плодотворного развития экономической науки в целом и такого ее направления, как пространственная экономика. Как отмечает М. Блауг, «методология – это не просто яркое название для «методов исследования», а изучение связи между теоретическими концепциями и обоснованными выводами о реальном мире; в частности, методология – это та ветвь экономической науки, где мы рассматриваем способы, которыми экономисты обосновывают свои теории, и приводимые ими причины, по которым они предпочитают одну теорию другой» [6, с. 18].

Однако этот поиск может находить как поддержку, так и препятствия в самой дискуссионной природе методологических вопросов. Причин для дискуссий и оснований для взаимной критики (как объективной, так и исключительно эмоционально-субъективной) здесь можно найти предостаточно: «...большинство экономистов, по всей видимости, не интересуются вопросами экономической методологии или даже относятся к ней неприязненно. ...Считается, что «практикующие» экономисты недолюбливают методологов за то, что последние лезут в чужие дела, плохо в них разбираясь... У российских экономистов есть и свои особые основания подозрительно относиться к трудам по методологии экономической науки. Набившие оскомину схоластические дискуссии в советской экономической литературе... могли отвратить от методологических вопросов кого угодно. Но есть и другой вариант ответа: может быть, теоретиков раздражают упреки методологов, потому что их совесть не вполне чиста? Ведь в экономической теории методологические проблемы в принципе стоят острее, чем в других общественных науках...» [1, с. 11].

Учитывая специфику рассматриваемых вопросов (но не только поэтому), автор настоящей работы в максимальной степени будет стараться при изложении своих тезисов опираться «на плечи гигантов».

ПРОБЛЕМА ПЛЮРАЛИЗМА В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЕТОДОЛОГИИ

В последние годы проблема плюрализма в экономической методологии неоднократно становилась объектом обсуждения англоязычных исследователей. Например, в опубликованной в 1994 г. работе перечисление новых направлений в экономической методологии один из наиболее известных современных специалистов-методологов Р. Бэкхаус начал именно с плюрализма [27, с. 4–5].

Особенно актуализировались методологические проблемы, характерные для экономической теории, ввиду последнего глобального кризиса и возникших в связи с ним вопросов относительно «дееспособности» экономической науки, поднимаемых как учеными, так и общественностью¹. Собственно, характер критических оценок и в России, и за рубежом, порожденных внутри самой дисциплины, в ряде случаев поразительно схож. Например, как отмечает В. М. Полтерович, «экономический кризис 2008 г. оказался одновременно и кризисом экономики как научной дисциплины.

¹ Примечателен в последнем отношении характер дискуссий, инспирированных получившим широкую огласку каверзным вопросом королевы Великобритании, обращенным к британским экономистам: «Почему никто не предсказал наступление столь глубокого кризиса?».

Или, точнее, послужил демонстрацией того, что экономическая наука, несмотря на, казалось бы, впечатляющие успехи, вот уже много лет находится в состоянии перманентного кризиса» [15, с. 101]. Весьма едко высказался в этом отношении и Дж. Кэй: «Репутация экономической науки и экономистов, и так не слишком высокая, еще больше пострадала в результате кризиса 2008 г.» [10, с. 4].

Большая часть причин возникновения такого недовольства, как представляется, кроется именно в методологической узости, характерной для современного экономического мейнстрима. Одна из наиболее часто упоминаемых характеристик – чрезмерный математический формализм. Чрезмерный в том плане, что математический язык изложения экономических теорий стал de facto стандартом, практически не допускающим исключений. В результате же произошла «подмена изучения сущности социальных явлений на их математическое описание» [5, с. 143].

Одним из виновников «математической революции» в экономике называется, в частности, Пол Самуэльсон: «Проект П. Самуэльсона по перестройке экономической науки на математических основаниях оказался невероятно успешным в смысле академической политики, но в ретроспективе выглядит крайне неудачным как исследовательская программа» [20, с. 85]. Основания для вынесения такой оценки, по Д. Фоули, кроются в следующем: «Применению математических методов в экономической теории внутренне присущ риск того, что я осмелился бы назвать «самуэلسонианским пороком», искушением изменить формулировку абстрактной задачи, чтобы она соответствовала имеющимся математическим инструментам, а не искать новые инструменты, адекватные имеющейся задаче» [20, с. 85].

Впрочем, позиции самого Д. Фоули методологически уязвимы в том отношении, что вместо «неподходящих» математических инструментов он предлагает использовать более «правильные», по его мнению, математические методы: «Экономической науке не нужно больше или меньше математики и статистики, ей нужны математика и статистика, лучше приспособленные к задачам и ограничениям экономического анализа» [20, с. 94]. То есть следование тезисам Д. Фоули не слишком расширит устоявшиеся границы экономической методологии, поскольку не поднимается вопрос об исключительной достаточности математики как языка экономической теории. К тому же в рассуждениях Д. Фоули можно обнаружить апологетику цены¹,

¹ «Социальное взаимодействие между людьми по поводу производства, распределения и обмена принимает специфическую, непосредственно количественную форму, а именно форму цен, представляющих собой пропорции в обмене и производстве» [20, с. 83].

являющейся еще одним из объектов методологической критики в адрес современной экономической теории¹.

Однако современная внутридисциплинарная критика математического формализма не является чем-то абсолютно новым. В частности, в 1970 г.² в своем президентском обращении на очередной конференции Американской экономической ассоциации В. В. Леонтьев высказал достаточно жесткую критическую точку зрения: «...Последовательно индифферентная в практическом применении работа фактически является признаком фундаментальной неустойчивости текущего состояния нашей дисциплины. Слабая и слишком медленно растущая эмпирическая основа, несомненно, не может поддерживать разрастающуюся суперструктуру чистой или, можно сказать, спекулятивной экономической теории. Это все проистекает из широко распространенного, почти принудительного использования современными экономическими теоретиками математики. ...К сожалению, любой способный к изучению элементарного (а лучше продвинутого) исчисления и алгебры и знакомый со специализированной экономической терминологией может считать себя теоретиком. Некритичный энтузиазм в отношении математической формулировки часто скрывает эфемерное сущностное содержание аргументации за чудовищным фронтом алгебраических знаков» [48, с. 1–2]³. Еще раньше (в 1967 г.) очень похожую точку зрения высказал другой нобелевский лауреат, М. Алле: «Математика представляет собой средство, владение которым чрезвычайно полезно, но она всего лишь средство. Нельзя быть хорошим физиком или экономистом по той только причине, что обладаешь некоторыми знаниями и умениями в математике» [4, с. 40].

¹ При более здравом рассуждении понятно, что количественные показатели в экономике не сводятся только к ценам, «ценностным» показателям. Как в свое время отметил В. Я. Железнов, «для определения конечных результатов хозяйства, предоставления в распоряжение потребителей определенной массы продуктов в натуре, принцип «максимума удовлетворения», отражающий исключительно ценностный аспект хозяйства, оказывается совершенно бесплодным. Счет потребленных продуктов в натуральных единицах дает здесь гораздо более ясный и точный ответ. Но только относительно: ибо само по себе натуральное исчисление продукции очень далеко от точности и значительно уступает ценностному там, где последнее приложимо... Оба метода поэтому не заменяют, а лишь дополняют друг друга» [9, с. 457–458].

² Здесь можно отметить, что ощущения кризиса в экономической науке опередили «реальный» экономический кризис 1970-х гг. и являлись результатом уже фактически завершившейся «самуэльсоновской революции». Однако, как видно, это не так уж сильно повлияло на изменение ментальности большинства экономистов. Как отмечает В. С. Автономов, «во многом благодаря развитию новой микроэкономики структура мейнстрима современной экономической теории вновь изменилась. Начиная с 1990-х гг. и в первое десятилетие XXI в. он вновь стал более гетерогенным, притом разнообразие пришло из микроэкономики» [2, с. 176]. Ввиду обострившейся сегодня критики экономической науки вряд ли можно признать произошедшие «изменения» достаточными.

³ Позднее (в 1982–1983 гг.) в журнале «Science» были опубликованы письма В. В. Леонтьева, в которых он продолжил акцентировать внимание на недостаточном эмпирическом характере современных ему экономических исследований, в том числе подкрепляя свои мысли данными библиометрического анализа. М. Блауг отмечает целый ряд работ 1980–1990-х гг., в которых была продолжена начатая В. В. Леонтьевым линия исследований, посвященных «сбору» соответствующих критических аргументов [6, с. 32–33].

Однако подобного рода критические замечания в адрес недостаточного эмпиризма, отсутствия связи с реальными экономическими процессами и чрезмерной математизации современной экономической теории мало повлияли на изменение методологических подходов. Тот же М. Алле в 1990 г. в еще более жесткой форме продолжал критиковать то, что он назвал псевдо-теориями: «...большое число теорий чисто логического характера, не имеющих никакой реальной связи с фактами, не могут считаться научными¹. ...Современная экономическая литература в течение почти сорока пяти лет часто развивалась в совершенно ошибочном направлении: в сторону создания искусственных и полностью оторванных от реальности математических моделей. В ней все более и более господствует математический формализм, который по самой своей сути представляет огромный шаг назад» [3, с. 13–14]². В начале 1990-х гг. со схожей критикой выступил и М. Блауг: «Стало очевидно, что многие экономисты не в силах расстаться с представлением, будто чисто теоретический прогресс, более глубокое понимание некоторых экономических проблем имеют самостоятельную ценность, даже если они не вносят сколько-нибудь существенного вклада в разработку экономической политики или в нашу способность предвидеть последствия этой политики. В этом находит свое отражение современная тенденция рассматривать экономическое теоретизирование как чисто интеллектуальную игру, не пытаясь даже сопоставить свои теоретические построения с внешним миром в слабой надежде узнать нечто, что в один прекрасный день прольет свет на функционирование реальной экономики» [6, с. 31].

Ретроспективный анализ критики математизации экономической науки может быть, впрочем, существенно углублен: по временной шкале можно переместиться не к началу XX в., а почти на столетие дальше. Например, можно отметить очень давнюю традицию критики чистой математизированной экономической науки, которая характерна для французской экономической

¹ Радикализм оценок М. Алле может поразить неискушенного читателя. Однако еще в самом начале XX в. С. Н. Булгаков писал: «Если мы позволим себе и эту небольшую вольность, — приравняем экономические феномены и отношения алгебраическим знакам, мы, конечно, получим уже полный простор для экономической «теории», ибо к нашим услугам тогда и интегральное, и дифференциальное исчисление, вообще вся математика. ...Математическое направление есть последнее слово и вместе приведение к абсурду теоретической экономики и ее задач, ибо превращает ее в невинные математические упражнения, игру философски недисциплинированного ума» [8, с. 345]. Отделяя «работающую» с абстракциями теоретическую экономию от политической экономики как «строго эмпирической науки», Булгаков делает следующий вывод: «...Мы приходим к радикальному решению вопроса о теоретической экономике: она со всем своим схоластическим багажом должна быть выброшена за борт политической экономики как плод научного недоразумения, ибо здесь *нет проблемы*» [8, с. 346].

² Примечательно то, что приведенные критические замечания принадлежат экономистам, известным в первую очередь своими работами эконометрического характера.

мысли и восходит еще к XIX в.¹ Тогда же во французской экономической мысли обозначилось определенное идейное противостояние «математизированного» подхода, представителями которого были, в частности, инженеры-экономисты, и либерального «нематематизированного» течения. Последствия этого давнего интеллектуального противостояния, собственно, и прослеживаются до сих пор. Например, Ж. Сапир в характерно озаглавленной работе «Черные дыры экономической науки» помимо аргументов, направленных против формализма и математизации современной экономической теории, обращает свою критику и на такой характерный компонент этой теории, как «теория общего равновесия»².

Определенная жесткость в методологических подходах (и соответствующий недостаток плюрализма) объяснима, однако, тем, что она может служить средством идентификации (в том числе и самоидентификации) для ученых-экономистов. Как, например, отмечает Э. Фуллбрук, «...идея плюрализма в целом была анафемой для экономистов. Начиная с французских физиократов середины восемнадцатого столетия, экономисты всех мастей были склонны полагать, что их подход к экономическим явлениям показывает если и не абсолютную истину, то, по крайней мере, все то, что стоит знать. Именно в привязке к таким широким концептуальным конструкциям, называемым «школами», а не предметными областями, формируется первичная профессиональная идентичность экономистов. ...Такие школы обозначаются как ортодоксальные или неортодоксальные в зависимости от того, является ли соответствующая школа в настоящее время доминирующей или нет. До недавнего времени экономисты всех мастей считали эту квазистеологическую схему вещей удобной» [41, с. 6]³.

Другая причина кроется, по сути, в большем удобстве и простоте «узкой» методологии: «Преобладающая методологическая позиция не только тщательно оберегает традиционную экономическую теорию, она также проявляет значительную терпимость в пределах «правил игры»: почти любая модель считается годной при условии, что она строго сформулирована, изящно изложена и если есть шансы, что когда-нибудь впоследствии она будет иметь отношение к реальному положению дел. Современные экономисты часто проповедуют фальсификационизм, но... редко ему следуют: их

¹ Р. Арена отмечает именно методологическое противостояние между «английской школой» (другими словами, рикардianским подходом) и «французской школой», понимая под последней либеральное направление франкоязычной экономической мысли начала XIX в., идейным лидером которой выступал Ж.-Ш. Симонд де Сисмонди [26, с. 514].

² О жесткости позиции Ж. Сапира можно судить, например, по таким используемым им в отношении экономической теории эпитетам, как «научообразие» и «теология» [51, с. 28–29, 95–97].

³ Собственно, плюрализм отмечается как характерная черта именно неортодоксальных направлений современной экономической мысли [47, с. 22–23].

рабочая философия науки может быть удачно охарактеризована как «выхощенный фальсификационизм» [7, с. 59]¹.

Наконец, причиной методологических проблем современной экономической науки можно считать и «простое человеческое желание» — повышение статуса своей научной дисциплины за счет придания ей большей строгости по подобию физики². Как отмечал опять же на рубеже 1960–1970-х гг. Э. Шумахер, «подавляющее большинство экономистов до сих пор ставят перед собой абсурдную цель — сделать свою «науку» такой же научной и точной, как физика...» [24, с. 70]. В этом отношении экономисты XX в., многие из которых, в частности, клянутся в верности неоклассике, отворачиваются от методологических установок А. Маршалла. Во-первых, в 1890 г. в предисловии к первому изданию своих «Принципов экономической науки» Маршалл отмечает исключительно вспомогательную роль математики в изложении экономических идей, опередив в этом отношении и М. Алле, и В. В. Леонтьева, которых поэтому можно считать не пионерами, а лишь последователями: «Деятельность природы многосложна, и в конце концов ничего нельзя добиться, считая, что она проста, и пытаясь охарактеризовать ее рядом простейших теорем... Главная цель применения чистой математики в экономических вопросах, очевидно, заключается в том, чтобы с ее помощью исследователь мог быстро, кратко и точно записывать некоторые свои мысли для самого себя и удостовериться в наличии у него достаточных, и только достаточных, оснований для своих выводов...» [12, с. 50–51]. Во-вторых, в предисловии к восьмому изданию «Принципов...», опубликованному в 1920 г., в качестве идеала науки для экономиста Маршалл обозначил вовсе не физику: «Меккой экономиста является скорее экономическая биология, нежели экономическая динамика. Но биологические концепции более сложны, чем теории механики» [12, с. 53].

Аргументы в защиту наиболее известной концепции, «заимствованной» у физики, — концепции равновесия, приводимые некоторыми современными экономистами, представляются крайне слабыми на фоне, например, таких работ, как опубликованные в 1927–1928 гг. статьи Т. И. Райнова [16; 17]. В частности, по поводу принципа максимизации Райнов отмечает:

¹ С такой, может быть, и слишком едкой критикой сложно не согласиться, ознакомившись со знаменитым методологическим эссе М. Фридмена [21], в котором в «удобной» и, можно сказать, «вульгаризированной» форме пересказываются некоторые идеи К. Поппера (притом, что фамилия последнего нигде даже не упомянута).

² Обвинения в идеализации экономистами физики отнюдь не беспочвенны. Например, в своей Нобелевской лекции П. Самуэльсон отметил: «Часто физику удается найти лучшее, более экономичное описание явлений природы, если он способен сформулировать наблюдаемые законы, используя принцип максимума. Экономист часто может получить лучшее, более экономичное описание экономического поведения, используя тот же инструментальный» [19, с. 186].

«...Между экономическим (товарно-капиталистическим) максимумом и максимумом механическим *нет никакой реальной аналогии*, если не считать того, что о максимуме мы вправе говорить в обеих областях. Сам по себе, независимо от своего реального применения, максимум — *чисто математическое понятие*. Как только мы наполняем его реальным *содержанием* в механике и в экономике, мы вступаем в области, строение, форма которых, подведенные под это понятие, совершенно различны — настолько, что знакомство со строением одной из этих областей ничего не дает нам для познания строения другой, а, напротив, способно даже ввести нас в ряд тяжелых заблуждений» [17, с. 420–421]. Далее, говоря собственно о равновесии, автор пишет: «...Предполагаемая аналогия между механизмом установления механического и экономического равновесия терпит крушение в пункте *о реальной природе той разности уровней*, аннулирование которой приводит к равновесию в механике и в экономике. Между этими разностями нет аналогии... Она исключается... тем, что здесь экономическая разность есть разность *количеств, экстенсивностей*, механическая же — *разность напряжений, интенсивностей*» [17, с. 427]. Делая итоговый, обобщающий вывод, Райнов достаточно категоричен: «...*При любом (правильном) понимании всякого физико-химического (а не только механического) равновесия не существует реальной аналогии между ним и равновесием рыночным*» [17, с. 429].

Впрочем, для «передовых» экономистов характерна не жесткая оппозиционность экономическому мейнстриму, а более конструктивный подход, который предполагает органичное сочетание разных методов исследования, что и может быть соотнесено с идеей методологического плюрализма. В частности, следы такого подхода можно обнаружить в уже цитировавшейся работе М. Алле: «В экономике противостояние сторонников и противников применения математики, вызывавшего в прошлом столько полемики, — дело совершенно бесплодное и искусственное. С обеих сторон выдвигаются вполне разумные аргументы, которые, по сути дела, не противоречат друг другу. Они просто соответствуют взаимодополняющим сторонам одного и того же метода, метода научного» [4, с. 39].

Однако критика современной экономической методологии лишь создает «почву» для развития в направлении методологического плюрализма (т. е. концепцию плюрализма не нужно считать абсолютно антагонистичной по отношению к доминирующей методологии). Б. Колдуэлл, которому «методологический плюрализм» обязан если и не своим рождением, то уж точно — введением в литературу по экономической методологии, следующим образом описывает исходное методологическое предположение: «...не существует никакого универсально применимого, логически неотразимого метода теоретической оценки. (Или, более правильно, даже если он и существует,

мы никогда не можем быть убеждены в том, что мы нашли его, даже если он у нас уже имеется.)» [31, с. 245]¹. Другими словами, переход на плюралистические позиции требует проявления со стороны исследователя скептицизма в отношении собственных наработок и готовности прибегнуть к результатам чужих исследований. А это в свою очередь подразумевает нарушение как внутри-, так и междисциплинарных границ.

В своей работе, посвященной проблеме междисциплинарных взаимодействий в исторических исследованиях, В. В. Леонтьев следующим образом описывает преимущества плюрализма: «...приверженцы различных монистических интерпретаций истории почти всегда смогут выявить некоторые специфические случаи, в которых их любимая наука сможет сама по себе объяснить определенный ход событий. Ошибка, которую они совершают, абсолютизируя свои относительные права, является, однако, более опасной, чем та, которая совершается плюралистами, настаивающими на комбинации всевозможных подходов в каждом случае. Последние... могут в конце концов прийти к комбинации принципов развития, наилучшим образом приспособленных к определенной ситуации, в то время как первые, отказываясь принять во внимание любые другие факторы, кроме находящихся в поле зрения собственной науки, серьезно рискуют остаться в рамках «частичной» интерпретации, которая может быть существенно улучшена, то есть упрощена путем введения дополнительных, ограничивающих соображений» [11, с. 34].

Далее будет показано, в какой мере пространственная экономика как научное направление «пригодна» для реализации идеи методологического плюрализма.

ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ЭКОНОМИКИ

Несмотря на достаточно долгую историю присутствия в экономических исследованиях пространственного аспекта, можно констатировать все еще высокую неопределенность, связанную со статусом и местом пространственной экономики в системе экономических знаний. Данная неопределенность в какой-то мере выражается в многочисленных и продолжающихся попытках описания проблемного поля пространственной экономики.

Например, в конце 1960-х гг. Э. Гувер дал пространственной экономике следующее определение: «Пространственная экономика имеет дело с тем, *что, где и почему* происходит (*what is where, and why*). «Что» относится к любому типу экономических объектов, то есть производственным предприятиям, другим видам бизнеса, домохозяйствам, государственным учреждениям и

¹ Первое издание цитируемой работы было опубликовано в 1982 г.

частным организациям. «Где» в основном относится к размещению относительно других видов экономической деятельности, то есть к вопросам близости, концентрации, дисперсии, подобия или неравенства пространственных систем. ...«Почему» относится к объяснениям в рамках достаточно гибких пределов компетенции экономиста» [42, с. 3]¹.

Спустя без малого 40 лет П. А. Минакир описал пространственную экономику следующим образом: «Пространственная экономика является важнейшим составным элементом современной экономической теории, дополняя ее традиционные разделы областью исследования закономерностей «естественного» и «наведенного» распределения экономических и социальных параметров в пространстве, ориентированного на «пространственную ренту» поведения экономических агентов, формирования и функционирования территориальных социально-экономических сообществ различного масштаба, механизмов и результатов их взаимодействия, формирования пространственного системного эффекта как результата взаимодействия территориальных социально-экономических систем» [13, с. 26]. Несмотря на насыщенность (и большую «конкретность» в сравнении с определением Э. Гувера) данного определения, вряд ли можно считать его ответом на все возникающие в связи с проблематикой пространственной экономики вопросы. А о наличии таких вопросов свидетельствует достаточно большое число публикаций.

Например, в заключении к своей широко известной работе М. Фудзита, П. Кругман и Э. Венаблес отмечают, что «главное оправдание для изучения географии экономических систем состоит в том, что она является весьма важной и видимой частью мира. Трудно увидеть какую-либо причину (кроме традиции, характеризующейся аналитической «неподатливостью») того, почему региональная экономика и экономика городов должны заслуживать меньшего внимания, чем международная торговля, или почему размещение производства не должно быть столь же важным вопросом мейнстрима экономической теории, как и теория капитала или теория распределения дохода. ...Сегодня нет никакого оправдания пренебрежению пространственным аспектом экономической жизни» [40, с. 349–350]. Впрочем, то, что поднимался вопрос о необходимости в очередной раз рассматривать в конце XX в. более чем «классические» экономические проблемы (например, размещения производства), говорит как раз о наличии пока еще открытых вопросов.

Как констатируется в более поздней работе П. А. Минакира и А. Н. Демьяненко, «пространственный аспект многомерных экономических систем в

¹ Стоит акцентировать внимание на последней части определения, в какой-то мере «обязывающей» экономистов к расширению своего кругозора с целью повышения качества интерпретаций пространственно-экономических явлений.

современных условиях не может быть адекватно описан существующими подходами в рамках региональной экономики. Следовательно, на повестку дня выдвигается теоретическое и методологическое оформление нового подхода к системному представлению экономики как взаимодействию микроэкономических агентов, регио-, макро- и глобальных взаимодействий» [14, с. 30].

О наличии проблем с легитимизацией пространственной экономики (в том числе и под другими названиями, например, «региональная экономика» или «региональная наука») в рамках экономической теории может косвенно свидетельствовать содержание последнего (в серии аналогичных работ) из выполненных М. Блаугом обзоров «Кто есть кто в экономической теории» [30]. Наряду с упомянутыми представителями новой экономической географии (НЭГ) П. Кругманом, М. Фудзитой и Э. Венаблесом из числа экономистов, занимающихся пространственной проблематикой, в справочник попали лишь очень немногие известные исследователи: Э. Маркусен, П. Нийкамп, М. Портер, С. Скочмер, Ж.-Ф. Тисс, М. Фельдман. Этот ряд может быть продолжен, однако уже представителями другой научной дисциплины – географии: Д. Киблом, А. Тикеллом, М. Сторпером, А. Дж. Скоттом и Н. Трифтом. Количество названных фамилий представляется чрезвычайно незначительным (немногим более 1%) на фоне общего числа «экономистов» (1168 человек), вошедших в указанный справочник¹.

Присутствие фамилий географов является в данном случае не случайным², поскольку географию можно отнести к одной из базисных дисциплин для пространственной экономики. Попытка междисциплинарного синтеза и создания некоей единой пространственной науки (под названием «региональная наука») предпринимались еще У. Айзардом и его последователями. Однако этот процесс, судя по всему, еще далек от завершения. Как несколько лет назад отметили А. Байи и Л. Дж. Гибсон, «академические области развиваются, и региональная наука не является исключением. Такие области знаний, как физика, французский язык и экономика, изменяются с течением времени, но в конце дня (или десятилетия) они по-прежнему остаются физикой, французским языком или экономикой. Региональная наука уникальна в этом отношении, поскольку ей непрерывно дают новое толкование. Большинство ученых-регионалистов приходят в эту мультидисциплинарную область, получив первоначальную подготовку в таких традиционных дисциплинах».

¹ Одним из свидетельств некоторого «размывания» междисциплинарных барьеров, обогнавшего в экономическом мейнстриме к началу XXI в., может служить попадание в число значимых для экономической теории фигур психологов Д. Канемана (получившего к этому времени Нобелевскую премию по экономике) и П. Словика.

² Об отсутствии случайности может говорить следующий факт: согласно результатам библиометрического исследования в первую пятерку наиболее цитируемых авторов в области региональных исследований входят четверо географов (Д. Кибл, А. Дж. Скотт, М. Сторпер и Р. Мартин) и один экономист (П. Кругман, занимающий четвертое место «в общем зачете») [36, с. 1282].

плинах, как экономика или география. Хотя у них обычно нет намерения отбросить свое дисциплинарное происхождение, их привлекает перспектива расширения их точки зрения и способностей решения проблемы посредством заимствования из других дисциплин и областей знаний» [28, с. 128].

Однако знака равенства между понятиями «пространственная экономика» и «региональная наука» ставить нельзя. Если последнюю трактовать как «пространственную науку», то пространственная экономика может рассматриваться как ее неотъемлемая, но всего лишь часть. В качестве соответствующего графического пояснения здесь можно прибегнуть к схеме, составленной в свое время Ж. Бенко (см. *рис. 1*).

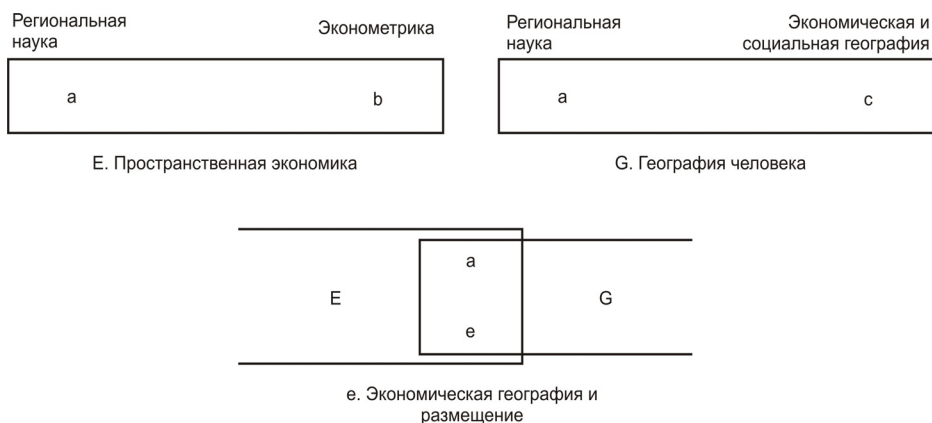

Рис. 1. Определение региональной науки на основе теории множеств¹

В среде исследователей-географов даже можно отметить своеобразные попытки «монополизации» пространства как объекта исследования². Как, например, отмечает Р. Китчин, «пространство – это ключевое географическое понятие. Наряду с другими основными понятиями, такими как место, пейзаж, масштаб, подвижность, природа и окружающая среда, оно помогает

¹ Воспроизведена лишь часть схемы (см.: [29, с. 701]. Можно отметить, что Ж. Бенко, по сути, воспользовался соответствующими идеями П. Хаггета, высказанными последним применительно к географии [22, с. 29–31]. В принципе, в отношении пространственной экономики уместен вывод, сделанный П. Хаггетом относительно географии: ей «нельзя дать определение... исходя только из того, что она изучает или же как изучает, нужно пересечение обоих подходов» [22, с. 31]. В свою очередь, П. Хаггет фактически повторил мысль Й. Шумпетера: «...Границы большинства наук непрерывно сдвигались, и бесполезно определять их исходя из предмета или метода. В особенности это относится к экономической науке...» [25, с. 12].

² Здесь уместно будет отметить критику некоторыми интеллектуалами самого дисциплинарного деления в рамках социальных наук: «Тот общий кризис системы знаний об обществе, который выразился за последние тридцать лет в распространении и умножении ограниченных проектов для того, чтобы защитить и продвинуть «мульти-», «плюри-», «транс-» или «интердисциплинарность», в которых, тем не менее, остается нетронутым само основание, которое нужно было бы действительно решительным образом размонтировать...» [18, с. 15].

определить данную дисциплину как недвусмысленно пространственную с точки зрения ее фокуса и способа мышления. Поэтому неудивительно, что география часто описывается как пространственная наука» [46, с. 268].

Впрочем, в той же фундаментальной многотомной энциклопедии другой автор говорит о значимости междисциплинарных связей: «Пространственная наука — это подход в географии человека, который получил известность в англоязычном мире и некоторых других странах — особенно в Швеции и Нидерландах — в 1960–1970-е гг., благодаря так называемой (по Бертону) «количественной и теоретической революции» в данной дисциплине. ...Этот географический подход тесно связан с параллельными работами в других социальных и естественных науках. ...Существует... значительное междисциплинарное взаимодействие с исследованиями в других дисциплинах, таких как экономика, социология, политология и археология, где пространственный подход — как и в географии человека — является одним из компонентов расширенной дисциплинарной модели» [45, с. 384].

Основания для междисциплинарного синтеза кроются в самой многообразной природе пространства. Собственно, в различных научных дисциплинах данный термин может наделяться специфической «нагрузкой»¹. Стоит отметить, однако, что проведение жестких границ, особенно между экономической теорией и географией², в вопросах изучения пространственных аспектов экономической деятельности вряд ли является плодотворным и возможным (тем более в свете методологического плюрализма). Как в свое время отметил А. Вробель, «...опыт показывает, что региональная наука не вытесняет географию из ее традиционной области; напротив, региональной науке для своего развития нужен большой вклад географов. ...Одна из главных линий разделения — но также и взаимного сотрудничества — между географией и региональной наукой соответствует более или менее различию, используемому Боушtedтом и Ранцем в их книге по региональным исследованиям. Это различие между «исследованием региональной структуры» (*regionale Strukturforschung*) и «региональным экономическим исследованием» (*regionale Wirtschaftsforschung*). Первое является главным образом предметом интереса географии; последнее — других наук, таких как региональная наука или пространственная экономика (*space-economy*)» [54, с. 38]. Как видно из приведенной цитаты, сложность проведения междисциплинарной границы может приводить скорее к лингвистической «игре в слова», нежели к определению «реального» водораздела между рассматриваемыми дисциплинами.

¹ Ш. Рик, например, описывает некоторые различия между трактовками географического, экономического, политического и социального пространств [50, с. 114–115].

² Конечно, в тех ее разделах, которые относят к так называемой географии человека (*human geography*), в первую очередь — экономической географии.

Проблемы, однако, не ограничиваются только различиями в дисциплинарных подходах к изучению экономического пространства. Существует не менее серьезная теоретико-методологическая проблема, связанная с тем, что в профильных разделах экономической теории (традиционно они все еще часто объединяются под ярлыком «региональная экономика»), занимающихся изучением пространства, также отсутствует единое понимание последнего. В частности, Р. Капелло в нескольких своих работах рассматривает четыре концепции пространства, на их основе проводя различия между теориями, существующими в рамках региональной экономики: физически измеримое пространство (*a physical-metric space*), однородное абстрактное пространство (*a uniform-abstract space*), разнообразное отношенческое пространство (*a diversified-relational space*) и разнообразное стилизованное пространство (*a diversified-stylized space*) [32, с. 755–758; 33, с. 33–52].

Собственно, различные методологические позиции могут служить признаком, позволяющим выделить в рамках пространственной экономики два больших направления, о чем далее и пойдет речь.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПЛЮРАЛИЗМ И «РАЗДЕЛ» ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ЭКОНОМИКИ

Выделяя в качестве исходных три группы теорий (размещения, регионального роста и регионального развития соответственно), Р. Капелло попыталась обрисовать направления конвергенции двух современных теоретических подходов (рис. 2).

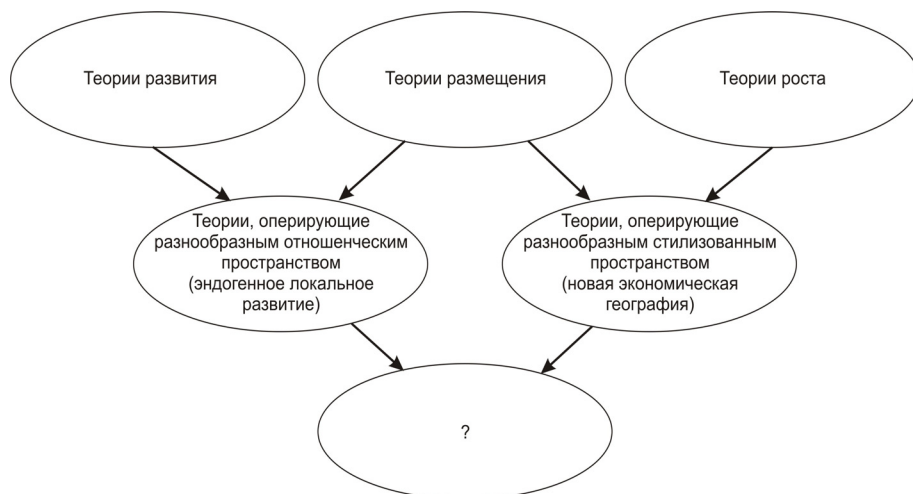

Рис. 2. Конвергенция между теоретическими подходами в региональной экономике (по Р. Капелло) [33, с. 44]

Примечательно, что конечный результат означенной конвергенции в настоящее время пока, согласно Р. Капелло, сложно предсказуем. Что как раз объяснимо очень разным характером исследований, проводимых в рамках двух направлений пространственной экономики.

Первое направление, доминирующее в современной пространственной экономике благодаря не более высокому «качеству» идейного содержания, а более высокому уровню институционализации и (банально) численному перевесу, может быть обозначено как англосаксонское¹.

Несмотря на указанную выше попытку У. Айзарда наладить междисциплинарное взаимодействие в рамках региональной науки и изменить так называемый «англосаксонский уклон» (*the Anglo-Saxon bias*)² в экономической теории середины XX в., связанный с пренебрежением пространственными аспектами экономической деятельности³, У. Айзарда можно считать ответственным за формирование «нового англосаксонского уклона», но уже непосредственно в пространственной экономике. Дело в том, что усилиями У. Айзарда (но не только его, конечно) был осуществлен перенос практически всех методологических изысков, упомянутых выше, из «большой» экономической теории в область пространственных исследований⁴.

Весьма характерным в этом отношении может быть содержание сборника работ видных специалистов-теоретиков, опубликованного в 1970 г. [37]. За исключением по сути вводной работы Э. Гувера, которая была процитирована выше, авторы всех остальных включенных в сборник трудов оперировали исключительно абстрактным («стилизированным») пространством с помощью единственного инструмента — математических моделей. С этой точки зрения последнее «новшество» англосаксонского направления — «новая экономическая география» — практически неотличимо от своих теоретических предшественников.

Например, в уже упоминавшейся работе «Пространственная экономи-

¹ Некоторые представители этого направления доходят даже до редукции современной пространственной экономики, сводя ее к теоретическим конструкциям «новой экономической географии», типичного «представителя» именно англосаксонского направления (см., напр.: [38, с. 747–752]), что абсолютно неоправданно.

² Соответствующее озаглавленный параграф У. Айзард начал с цитирования мысли А. Маршалла («...влияние фактора времени более фундаментально, чем территориального фактора» [12, с. 476]), добавив, что «...полвека спустя англосаксонские экономисты прислушивались к его [Маршалла] лозунгу» [43, с. 24].

³ Очевидно, делая такую оценку, У. Айзард в первую очередь сопоставлял англосаксонскую экономическую мысль первой половины XX в. с работами представителей немецкой школы (А. Вебера, В. Кристаллера и А. Лёша). Однако в апеллировании к единственной фразе А. Маршалла присутствует и изрядная доля лукавства, поскольку в домаршаллианскую эпоху развития экономической мысли пространство не было полностью из нее исключено [34].

⁴ Например, У. Айзард неоднократно пытался реализовать *idée fixe* многих экономистов — навести «параллели» с точными науками: в данной случае — региональной науки с физикой и химией (см., например, одну из последних по времени работ: [44]).

ка» [40] все ключевые вопросы рассматриваются исключительно в эконометрическом ключе. Именно чрезмерный формализм «новой экономической географии» в ряду других серьезных изъянов часто подвергается критике со стороны известных специалистов (см., напр.: [49; 52]).

Проблема «закрытости»¹ отдельных школ и научных направлений, конечно же, не является новой. Например, в 1973 г. К. Дзевонски напоминал своим коллегам о проблеме ограниченности, обусловленной слишком узкой специализацией исследователей: «Известные ученые не знают того, что происходит не только в других дисциплинах, но и среди студентов других специалистов и «проповедников»; чрезвычайно редко они выходят за пределы своего собственного маленького круга личных друзей и врагов. Часто они не проверяют даже свои собственные ссылки. Привести некоторые шокирующие примеры такой практики было бы легко, даже слишком» [39, с. 9].

Частично закрытость англосаксонского направления, приводящая в том числе и к «заужению» методологического базиса, объясняется действием языкового барьера. О его наличии свидетельствуют, в частности, соответствующие исследования. Например, в начале XXI в. Б. С. Уолдорф провела опрос среди членов Международной ассоциации региональной науки (RSAI) с целью выявления так называемых «новаторских» книг. В результате одним из выводов был следующий: «Наконец, я должна отметить, что все выбранные книги... либо изначально были написаны на английском, либо, как книги Хёгерстранда (1953) и Понсара (1958), позднее были переведены на английский язык. Однако существуют некоторые франко- и германоязычные книги, которые, к сожалению, никогда не переводились на английский, и поэтому они не известны широкой аудитории» [53, с. 63–64]. Примечательно, что в числе последних работ названы труды таких грандов французской школы пространственной экономики, как Ф. Перру и Ф. Айдало.

Одним из отличительных признаков второго направления в пространственной экономике, которое условно может быть обозначено как «континентально-европейское», являются, как представляется, именно более широкие методологические основания (методологический плюрализм), обуславливающие большую степень как внутри-, так и междисциплинарной открытости исследователей, работающих в данном направлении.

Неудовлетворенность состоянием дел в мейнстриме пространственной экономики приводит европейских специалистов даже к попыткам отделиться и дать этому «новому» направлению исследований новое же название. Например, группа известных франкоязычных ученых выступила со своего рода

¹ Вопрос о «замкнутости» той же самой «новой экономической географии» на самое себя вполне обоснован, поскольку, например, библиографический список монографии «Пространственная экономика» непривычно скромнен для подобного рода трудов.

манифестом – призывом к выделению так называемой «территориальной экономики» (*l'économie territoriale, the territorial economy/economics*). В одной из работ, посвященных данной теории, Ж. Корпато и О. Кревуазье представили свою точку зрения относительно позиции территориальной экономики в сравнении с «механистическими» подходами, к которым они относят и НЭГ (краткое описание взглядов указанных авторов приведено в таблице 1).

Таблица 1

Трактовки пространства и времени в экономических теориях

Теория	Исходные дихотомии			
	Пространство и время – экзогенные / эндогенные	Пространство – неизменное / изменяемое	Пространство – абстрактное / конкретное	Пространство и время – объективное / субъективное
Равновесные подходы, инспирированные классической механикой (от Вальраса до Кругмана)	Пространство и время являются нейтральными и независимыми «сосудами», которые являются внешними по отношению к экономической деятельности и не влияют на нее	Структура (исходное распределение точек, если их больше, чем одна) неизменна. Пространство не может быть изменено деятельностью человека	Пространство и время абстрактны (Евклидовы геометрические фигуры). Результаты с точки зрения «пространства» выражаются количеством. Нет реального структурного изменения. Преобразование является исключительно количественным	Пространство и время используются как цель. Результаты – «механические» конструкции
Территориальная экономическая теория	Пространство и время являются одновременно и экзогенными, и эндогенными. Нет явного разделения. Наблюдается пересечение между «географическим объектом» и социально-экономическим конструктом	Пространство и время одновременно и заданы, и сконструированы	Территория всегда в одно и то же время конкретна, специфична и обычна (<i>concrete, specific and general</i>)	Территория – объективный конструкт, который может осмысляться исследователем
Подход с позиций теории сложности	Нет различия между экзогенным и эндогенным. Явления неотделимы от своего контекста	Пространство и время – просто человеческие конструкты и зависят от планов исследователя	Все является одновременно развивающейся репрезентацией исследователя и предметом экспериментирования	Пространство и время – общепринятые термины, наделяемые специфическим смыслом

Источник: [35, с. 287].

Результатом открытости европейских исследователей является высокий уровень междисциплинарного сотрудничества (нередки совместные работы экономистов, результаты которых отражаются в соответствующих публикациях, с географами и социологами) и большое количество как внутривидовых «заимствований» (например, наработок отдельных англосаксонских или европейских «школ»), так и из других дисциплин. Наиболее известные из теорий, рожденных и продолжающих развиваться в недрах «континентально-европейского» направления, такие, например, как итальянская теория промышленных округов, теория инновационных сред, «французская» теория близости, наглядно демонстрируют следование плюралистическим установкам в методологии исследований. Как представляется, именно такая исследовательская традиция, имеющая достаточно глубокие исторические корни, более соответствует целям развития пространственной экономики как научного направления, нежели англосаксонский мейнстрим, не продемонстрировавший за более чем полувековое развитие какого-либо значимого интеллектуального прорыва.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Автономов В. С.* За что экономисты не любят методологов // Блауг М. Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют. М.: НП «Журнал Вопросы экономики», 2004. С. 11–16.
2. *Автономов В. С.* От «экономического империализма» к стремлению к взаимобогащению // *Общественные науки и современность*. 2010. № 3. С. 173–176.
3. *Алле М.* Современная экономическая наука и факты // *THESIS*. 1994. Вып. 4. С. 11–19.
4. *Алле М.* Экономика как наука. М.: Наука для общества, РГГУ, 1995. 168 с.
5. *Балацкий Е. В.* За пределами «экономического империализма»: преодоление сложности // *Общественные науки и современность*. 2012. № 4. С. 138–149.
6. *Блауг М.* Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют. М.: НП «Журнал Вопросы экономики», 2004. 416 с.
7. *Блауг М.* Несложный урок экономической методологии // *THESIS*. 1994. Вып. 4. С. 53–68.
8. *Булгаков С.* Задачи политической экономии // *Булгаков С.* От марксизма к идеализму. СПб.: Товарищество «Общественная Польза», 1903. С. 317–347.
9. *Железнов В. Я.* К вопросу о натуральном и ценностном аспектах экономических явлений (В связи с проблемой методов изучения экономической динамики) // *Избранные труды Кондратьевского Конъюнктурного института*. М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2011. С. 442–466.
10. *Кэй Дж.* Карта – не территория: о состоянии экономической науки // *Вопросы экономики*. 2012. № 5. С. 4–13.
11. *Леонтьев В.* К вопросу о плюралистической интерпретации истории и проблеме междисциплинарного сотрудничества // *Леонтьев В.* Экономические эссе. Теории, исследования, факты и политика. М.: Политиздат, 1990. С. 27–36.

12. *Маршалл А.* Основы экономической науки. М.: Эксмо, 2007. 832 с.
13. *Минакир П. А.* Экономика и пространство (тезисы размышлений) // Пространственная экономика. 2005. № 1. С. 4–26.
14. *Минакир П. А., Демьяненко А. Н.* Пространственная экономика: эволюция подходов и методология // Пространственная экономика. 2010. № 2. С. 6–32.
15. *Полтерович В. М.* Становление общего социального анализа // Общественные науки и современность. 2011. № 2. С. 101–111.
16. *Райнов Т. И.* К вопросу о природе экономического равновесия (Проблема равновесия в экономике и в классической механике) // Избранные труды Кондратьевского Конъюнктурного института. М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2011. С. 368–395.
17. *Райнов Т. И.* Рыночное равновесие как вариационная проблема // Избранные труды Кондратьевского Конъюнктурного института. М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2011. С. 396–434.
18. *Рохас К. А. А.* Историография в XX веке. История и историки между 1848 и 2025 годами. М.: Кругъ, 2008. 164 с.
19. *Самуэльсон П. А.* Принцип максимизации в экономическом анализе // THESIS. 1993. Вып. 1. С. 184–202.
20. *Фоули Д.* Математический формализм и политэкономическое содержание // Вопросы экономики. 2012. № 7. С. 82–95.
21. *Фридмен М.* Методология позитивной экономической науки // THESIS. 1994. Вып. 4. С. 20–52.
22. *Хаггет П.* Пространственный анализ в экономической географии. М.: Издательство «Прогресс», 1968. 392 с.
23. *Хиршман А. О.* Страсти и интересы: политические аргументы в пользу капитализма до его триумфа. М.: Изд. Института Гайдара, 2012. 200 с.
24. *Шумахер Э. Ф.* Малое прекрасно. Экономика, в которой люди имеют значение. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 352 с.
25. *Шумпетер Й. А.* История экономического анализа. СПб.: Экономическая школа, 2004. Т. 1. 552 с.
26. *Arena R.* La pensée économique post-ricardienne avant John Stuart Mill // Béraud A., Faccarello G. (eds.) Nouvelle histoire de la pensée économique. Tome 1. Des scolastiques aux classiques. Paris: Éditions la Découverte, 1992. Pp. 510–529.
27. *Backhouse R. E.* Introduction: new directions in economic methodology // Backhouse R.E. (ed.) New directions in economic methodology. London: Routledge, 1994. Pp. 1–24.
28. *Bailly A., Gibson L. J.* Regional science: Directions for the future // Papers in Regional Science. 2004. Vol. 83. № 1. Pp. 127–138.
29. *Benko G. B.* Regional science: evolution over thirty years // International Social Science Journal. 1984. Vol. XXXVI. № 4. Pp. 699–712.
30. *Blaug M., Vane H. R. (eds.)* Who's who in economics. 4th ed. Cheltenham, UK: Edward Elgar, 2003. 995 p.
31. *Caldwell B. J.* Beyond positivism. Economic methodology in the twentieth century. Revised edition. London: Routledge, 1994. 297 p.
32. *Capello R.* Regional economics in its 1950s: recent theoretical directions and future challenges // The Annals of Regional Science. 2008. Vol. 42. № 4. Pp. 747–767.
33. *Capello R.* Space, growth and development // Capello R., Nijkamp P. (eds.) Handbook of regional growth and development theories. Cheltenham, UK: Edward Elgar, 2009. Pp. 33–52.
34. *Claval P.* Les conceptions de l'espace économique // Claval P. Chroniques de géographie économique. Paris: L'Harmattan, 2005. Pp. 391–412.

35. *Corpataux J., Crevoisier O.* Economic theories and spatial transformations clarifying the space-time premises and outcomes of economic theories // *Journal of Economic Geography*. 2007. Vol. 7. № 3. Pp. 285–309.
36. *Cruz S. C. S., Teixeira A. A. C.* The evolution of the cluster literature: shedding light on the regional studies – regional science debate // *Regional Studies*. 2010. Vol. 44. № 9. Pp. 1263–1288.
37. *Dean R. D., Leahy W. H., McKee D. L. (eds.)* Spatial economic theory. New York: The Free Press, 1970. 377 p.
38. *Duranton G.* Spatial economics // *Durlauf S. N., Blume L. E. (eds.)* The new Palgrave dictionary of economics. 2nd ed. Vol. 7. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2008. Pp. 747–752.
39. *Dziewonski K.* Presidential address // *Papers of the Regional Science Association*. 1973. Vol. 30. Pp. 7–13.
40. *Fujita M., Krugman P., Venables A. J.* The spatial economy: cities, regions, and international trade. Cambridge, MA: The MIT Press, 1999. 380 p.
41. *Fullbrook E.* Introduction // *Fullbrook E. (ed.)* Pluralist economics. London: Zed Books, 2008. Pp. 1–10.
42. *Hoover E. M.* The partial equilibrium approach // *Dean R. D., Leahy W. H., McKee D. L. (eds.)* Spatial economic theory. New York: The Free Press, 1970. Pp. 3–14.
43. *Isard W.* Location and space-economy: a general theory relating to industrial location, market areas, land use, trade, and urban structure. Cambridge, MA: The Technology Press of Massachusetts Institute of Technology; New York: John Wiley & Sons, Inc.; London, Chapman & Hall, Ltd., 1956. 370 p.
44. *Isard W.* Regional science: Parallels from physics and chemistry // *Papers in Regional Science*. 1999. Vol. 78. № 1. Pp. 5–20.
45. *Johnston R.* Spatial science // *Kitchin R., Thrift N. (eds.)* International encyclopedia of human geography. Vol. 10. Amsterdam: Elsevier, 2009. Pp. 384–395.
46. *Kitchin R.* Space II // *Kitchin R., Thrift N. (eds.)* International encyclopedia of human geography. Vol. 10. Amsterdam: Elsevier, 2009. Pp. 268–275.
47. *Lee F. S.* Pluralism in heterodox economics // *Garnett R., Olsen E. K., Starr M. (eds.)* Economic pluralism. London: Routledge, 2010. Pp. 19–35.
48. *Leontief W.* Theoretical assumptions and nonobserved facts // *The American Economic Review*. 1971. Vol. 61. № 1. Pp. 1–7.
49. *Martin R., Sunley P.* Paul Krugman's geographical economics and its implications for regional development theory: a critical assessment // *Economic Geography*. 1996. Vol. 72. № 3. Pp. 259–292.
50. *Ricq C.* La région, espace institutionnel et espace d'identité // *Espaces et Sociétés*. 1982. № 41. Pp. 113–129.
51. *Sapir J.* Les trous noirs de la science économique: Essai sur l'impossibilité de penser le temps et l'argent. Paris: Albin Michel, 2000. 328 p.
52. *Scott A. J.* A perspective of economic geography // *Journal of Economic Geography*. 2004. Vol. 4. № 5. Pp. 479–499.
53. *Waldorf B. S.* Path-breaking books in regional science // *Papers in Regional Science*. 2004. Vol. 83. № 1. Pp. 59–89.
54. *Wrobel A.* Regional analysis and the geographic concept of region // *Papers and Proceedings of the Regional Science Association*. 1961. Vol. 8. Pp. 37–41.

METHODOLOGICAL PLURALISM IN THE STUDY OF THE ECONOMIC SPACE

Ukrainsky V.N.

Ukrainsky Vadim Nikolaevich – Senior Lecturer, Pacific National University; Senior Consultant-Analyst. Khabarovsk, Russia. E-mail: schtirl@pochtamt.ru.

The author considers controversial issues associated with the criticism of the methodological aspects the modern economic theory mainstream. The study addresses methodological pluralism as one of the possible future directions of economic methodology development. The author demonstrates the complex character of the spatial economics issues, which creates the potential for the ideas of methodological pluralism. By differences in methodological approaches Ukrainsky V.N. singles out two directions of modern spatial economics - Anglo-Saxon and «continental European».

Keywords: economic space, methodological pluralism, spatial economics, economic imperialism, interdisciplinary studies.

REFERENCES

1. Avtonomov V.S. Why economists do not Like Methodologists. Blaug M. *The Methodology of Economics, or How Economists Explain*. Moscow: Journal «Economic Issues», 2004, pp. 11–16. (In Russian).
2. Avtonomov V.S. From «Economic Imperialism» to the Pursuit of Mutual Enrichment. *Obshchestvennye Nauki i Sovremennost* [Social Sciences and modernity], 2010, no. 3, pp. 173–176. (In Russian).
3. Allais M. Modern Economics and Facts. *THESIS*, 1994, vol. 4, pp. 11–19. (In Russian).
4. Allais M. *Economics as a science*. Moscow, Russian State University for the Humanities, 1995, 168 p. (In Russian).
5. Balatskiy E.V. Outside of «Economic Imperialism»: Overcoming Difficulties. *Obshchestvennye Nauki i Sovremennost* [Social Sciences and modernity], 2012, no. 4, pp. 138–149. (In Russian).
6. Blaug M. *The Methodology of Economics, or How Economists Explain*. Moscow: Journal «Economic Issues», 2004, 416 p. (In Russian).
7. Blaug M. A simple Lesson in Economic Methodology. *THESIS*, 1994, vol. 4, pp. 53–68. (In Russian).
8. Bulgakov S. Tasks of Political Economy. *From Marxism to Idealism*. St. Petersburg, 1903, pp. 317–347. (In Russian).
9. Zheleznov V.Ya. On the Natural and Value Aspects of Economic Phenomena (in Connection with the Problem of Methods to Study Economic Dynamics). *Selected works of conjunctural institute of Kondratiev*. Moscow, 2011, pp. 442–466. (In Russian).
10. Kay J. The Map Is Not the Territory: An Essay on the State of Economics. *Voprosy Ekonomiki* [Economic Issues], 2012, no. 5, pp. 4–13. (In Russian).
11. Leontief W. Note on the pluralistic interpretation of history and the problem of interdisciplinary cooperation. *Economic Essays. Theory, Research, Facts and Policy*. Moscow, 1990, pp. 27–36. (In Russian).
12. Marshall A. *Principles of Economics*. Moscow, 2007, 832 p. (In Russian).
13. Minakir P.A. Economy and Space (rethinking' thesis's). *Prostranstvennaya Ekonomika – Spatial Economics*, 2005, no. 1, pp. 4–26. (In Russian).
14. Minakir P.A., Demyanenko A.N. Spatial Economics: the Evolution of Approaches

- and Methodology. *Prostranstvennaya Ekonomika – Spatial Economics*, 2010, no. 2, pp. 6–32. (In Russian).
15. Polterovich V.M. Becoming a General Social Analysis. *Obshchestvennye Nauki i Sovremennost* [Social Sciences and Modernity], 2011, no. 24, pp. 101–111. (In Russian).
 16. Raynov T.I. On the Nature of Economic Equilibrium (Equilibrium Problem in the Economy and in Classical Mechanics). *Selected works of conjunctural institute of Kondratiev*. Moscow, 2011, pp. 368–395. (In Russian).
 17. Raynov T.I. Market Equilibrium as a Variational Problem. *Selected works of conjunctural institute of Kondratiev*. Moscow, 2011, pp. 396–434. (In Russian).
 18. Rojas C.A.A. *Historiography in the 20th Century: History and Historians between 1848 and 2025*. Moscow, 2008, 164 p. (In Russian).
 19. Samuelson P.A. Maximum Principle in Analytical Economics. *THESIS*, 1993, vol. 1, pp. 184–202. (In Russian).
 20. Foley D. Mathematical Formalism and Political-Economic Content. *Voprosy Ekonomiki* [Economic Issue], 2012, no. 7, pp. 82–95. (In Russian).
 21. Friedman M. The Methodology of Positive Economics. *THESIS*, 1994, vol. 4, pp. 20–52. (In Russian).
 22. Haggett P. *Locational Analysis in Human Geography*. Moscow, 1968, 392 p. (In Russian).
 23. Hirschman A.O. *Essays in Trespassing: Economics to Politics and Beyond*. Moscow: Gaidar Institute for Economic Policy, 2012, 200 p. (In Russian).
 24. Schumacher E.F. *Small is Beautiful. Economics as if People Mattered*. Moscow: Higher School of Economics, 2012, 352 c. (In Russian).
 25. Schumpeter J.A. *History of Economic Analysis*. St. Petersburg, 2004, vol. 1, 496 p. (In Russian).
 26. Arena R., The Post-Ricardian Economic Thought to John Stuart Mill. *New History of Economic Thought*, Tome 1, From Scholastics to Classics, Paris, 1992, pp. 510–529. (In French).
 27. Backhouse R.E. Introduction: New Directions in Economic Methodology. *New Directions in Economic Methodology*. London: Routledge, 1994, pp. 1–24.
 28. Bailly A., Gibson L.J. Regional Science: Directions for the Future. *Papers in Regional Science*. 2004, vol. 83, no. 1, pp. 127–138.
 29. Benko G.B. Regional Science: Evolution Over Thirty Years. *International Social Science Journal*, 1984, vol. XXXVI, no. 4, pp. 699–712.
 30. Blaug M., Vane H.R. *Who's Who in Economics*. 4th ed. Cheltenham, UK: Edward Elgar, 2003, 995 p.
 31. Caldwell B.J. *Beyond Positivism. Economic Methodology in the Twentieth Century*. Revised edition. London: Routledge, 1994, 297 p.
 32. Capello R. Regional Economics in its 1950s: Recent Theoretical Directions and Future Challenges. *The Annals of Regional Science*, 2008, vol. 42, no. 4, pp. 747–767.
 33. Capello R., Nijkamp P. Space, Growth and Development. *Handbook of Regional Growth and Development Theories*. Cheltenham, UK: Edward Elgar, 2009, pp. 33–52.
 34. Claval P. The Conceptions of Economic Space. *The Chronicles of Economic Geography*, Paris: L'Harmattan, 2005, pp. 391–412. (In French).
 35. Corpataux J., Crevoisier O. Economic theories and Spatial Transformations Clarifying the Space-Time Premises and Outcomes of Economic Theories. *Journal of Economic Geography*, 2007, vol. 7, no. 3, pp. 285–309.
 36. Cruz S.C.S., Teixeira A.A.C. The Evolution of the Cluster Literature: Shedding Light on the Regional Studies – Regional Science Debate. *Regional Studies*, 2010, vol. 44, no. 9, pp. 1263–1288.

37. Dean R.D., Leahy W.H., McKee D.L. *Spatial Economic Theory*. New York: The Free Press, 1970, 377 p.
38. Duranton G., Blume L.E. Spatial Economics. *The new Palgrave Dictionary of Economics*. 2nd ed., vol. 7. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2008, pp. 747–752.
39. Dzewonski K. Presidential Address. *Papers of the Regional Science Association*, 1973, vol. 30, pp. 7–13.
40. Fujita M., Krugman P., Venables A. J. *The Spatial Economy: Cities, Regions, and International Trade*. Cambridge, MA: The MIT Press, 1999, 380 p.
41. Fullbrook E. Introduction. *Pluralist Economics*. London: Zed Books, 2008, pp. 1–10.
42. Hoover E.M. The Partial Equilibrium Approach. *Spatial Economic Theory*. New York: The Free Press, 1970, pp. 3–14.
43. Isard W. *Location and Space-Economy: a General Theory Relating to Industrial Location, Market Areas, Land Use, Trade, and Urban Structure*. Cambridge, MA: The Technology Press of Massachusetts Institute of Technology; New York: John Wiley & Sons, Inc.; London, Chapman & Hall, Ltd., 1956, 370 p.
44. Isard W. Regional Science: Parallels from Physics and Chemistry. *Papers in Regional Science*, 1999, vol. 78, no. 1, pp. 5–20.
45. Johnston R. Spatial. *International Encyclopedia of Human Geography*, vol. 10. Amsterdam: Elsevier, 2009, pp. 384–395.
46. Kitchin R., Thrift N. Space II. *International Encyclopedia of Human Geography*, vol. 10. Amsterdam: Elsevier, 2009, pp. 268–275.
47. Lee F.S. Pluralism in Heterodox Economics. *Economic Pluralism*. London: Routledge, 2010, pp. 19–35.
48. Leontief W. Theoretical Assumptions and Nonobserved Facts. *The American Economic Review*, 1971, vol. 61, no. 1, pp. 1–7.
49. Martin R., Sunley P. Paul Krugman's Geographical Economics and Its Implications for Regional Development Theory: a Critical Assessment. *Economic Geography*, 1996, vol. 72, no. 3, pp. 259–292.
50. Ricq C. The Region, Institutional and Identity Spaces. *Espaces et Sociétés*, 1982, no. 41, pp. 113–129. (In French).
51. Sapir J. *The Black Holes of Economic Science*. Paris: Albin Michel, 2000, 328 p. (In French).
52. Scott A.J. A Perspective of Economic Geography. *Journal of Economic Geography*, 2004, vol. 4, no. 5, pp. 479–499.
53. Waldorf B.S. Path-Breaking Books in Regional Science. *Papers in Regional Science*, 2004, vol. 83, no 1, pp. 59–89.
54. Wrobel A. Regional Analysis and the Geographic Concept of Region. *Papers and Proceedings of the Regional Science Association*, 1961, vol. 8, pp. 37–41.